

Облик культуры военной безопасности: история и современность*

*Полковник С.А. ВЕРШИЛОВ,
кандидат философских наук*

ВЕРШИЛОВ Сергей Анатольевич родился в 1958 году в поселке Лянгеры Кировского района Сахалинской области. Окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище (1979). Службу проходил в войсках Северо-Кавказского и Средне-Азиатского военных округов.

Окончил Гуманитарную академию ВС РФ, военно-педагогический факультет, отделение философии (1992). В 1998 году защитил кандидатскую диссертацию — присвоена ученая степень кандидата философских наук. В 2000 году окончил адъюнктуру Военного университета МО РФ (заочная форма обучения). В 2001 году присвоено ученое звание доцента. На преподавательской работе с 1992 года. В настоящее время — доцент кафедры боевой подготовки и безопасности полетов 4-го авиационного факультета Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков (г. Балашов).

РАЗНООБРАЗИЕ форм бытия всегда выступало и выступает итогом многочисленных путей приспособления людей к различным обстоятельствам, в которых они возникли и впоследствии совершенствовались. При этом их (обстоятельств) спектр имел двойственное значение для процесса начала и продолжения развития культуры военной безопасности.

Первое — это было прямое воздействие, когда предпринимался набор максимально жизнеспособных средств и способов обеспечения существования социума.

Второе значение носило опосредованный характер, и в этом случае особенности окружающей действительности, суровость внешнего мира формировали культуру с присущими ей традициями, нормами, правилами поведения и ментальностью той или иной нации.

И, конечно же, культура, содержащая и творящая смыслообразующие основы жизни личности, обществ и государств, изначально находила и находит свою цель в их становлении и развитии. Иными словами, это было и есть не пассивное отражение реальных процессов поведения наций и народностей планеты, а их активная «форма». По мнению А.С. Ахиезера, «люди умеют противостоять... опасностям, хотя и несут подчас громадные потери»¹.

Вместе с тем, они сознательно используют культуру для организации и нормализации собственной деятельности, в том числе и в сфере военной безопасности. Логично утверждать, что итог исследуемо-

* Авторское понимание заявленного в теме статьи явления следующее: культура военной безопасности — это пласт военно-политических отношений, предназначенный и реализуемый для исключения попыток деструктивных сил нанести ущерб военными средствами существованию мирового сообщества.

¹ Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования (взгляд из России) // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 5.

го явления станет более результативным, если в его предметное поле включить анализ диалектики объективного и субъективного, материального и духовного, национального и цивилизационного, старого и нового в исторической ретроспективе и нынешних социокультурных измерениях.

Поскольку социальное развитие представляет собой (с учетом активной преобразующей деятельности людей) естественно-исторический процесс, постольку и культура военной безопасности может быть оценена с точки зрения соответствия ее функционирования и развития природной логике.

В этом контексте исследуемое явление будет тем качественнее, чем меньше окажется искусственных препятствий на пути его развития, совершающегося по законам природы. И, наоборот, чем больше культура военной безопасности отклоняется от естественного пути, тем выше уровень опасности, в которой находится то или иное государство и, в целом, вся планета.

Несомненен факт, что если военно-политические институты приходят в противоречие с объективной логикой социального развития и природой вещей, то никакая, даже самая мощная, система обеспечения культуры военной безопасности не в состоянии оградить их от разрушения. Но она сможет выполнить свое предназначение и стать прочным фундаментом в случае естественности социального развития.

Кроме того, как показывает практика, крайне сложно определить, что препятствует или способствует естественно-историческому развитию культуры военной безопасности. Вне всякого сомнения, стремление постигнуть логику заявленного в теме статьи явления, сталкивается с тем, что в методологическом плане целостность его развития может быть понята лишь по завершении становления. Поскольку культура военной безопасности непрерывна и далека от завершения, любое историческое пророчество, даже учитывающее выявленные закономерности его развития, будет приобретать гипотетический характер.

В этой связи, крупномасштабные проекты, отвечающие духу историзма, таят в себе опасность, основанную на чрезмерной уверенности субъектов практики в своей правоте и, прежде всего, в том, что им удалось постигнуть природу и логику культуры военной безопасности в ее ретроспективных координатах.

При этом необходимо иметь в виду, что природа вещей, порождая механизм самосохранения, оформляется у военно-политической элиты в представлениях о том, что есть опасное и безопасное, которые затем трансформируются в деятельность по обеспечению культуры военной безопасности. Вот почему система исследуемого явления формируется не непосредственно, исходя из природы того, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, а опосредованно и через представления людей, которые, в свою очередь отражают в том числе и объективную реальность.

Понимание природных процессов и характера их отражения в представлениях человечества способствует формированию основания такой культуры военной безопасности, которая базировалась бы не на субъективных знаниях, а на объективной логике социального развития.

Таким образом, постижение природы исследуемого явления позволяет преодолеть традиционные взгляды, которые, как правило, ограничены рамками господствующей парадигмы, и выявить логику исторических изменений. С большой долей вероятности можно утверждать, что именно это и составляет основу для понимания подлинной культу-

ры военной безопасности с социально-философских позиций.

Следует отметить, что проблема исследования противоречивого свойства практики военной безопасности государств издавна притягивала взоры ученых. И это вполне оправдано и понятно, ведь своего разъяснения настоятельно требовали многочисленные факты исчезновения некоторых народов и цивилизаций, причины национальных трагедий и катастроф, возникновения войн и иных катаклизмов.

Не вчера и не сегодня стал очевиден тот факт, что большинство успехов и свершений, а также неудач и потерь человечества в определенной степени выступают формой проявления необратимых, направленных и закономерных изменений культуры. Однако противоречивость социокультурной динамики разными мыслителями преподносилась и обосновывалась на каждом этапе развития науки неодинаково. В полной мере это касалось и военной безопасности.

Свою первоначальную оценку вооруженная борьба получила в пред-философских произведениях, ядро которых составляли развитые формы мифологии. Уже в гомеровском эпосе, поэзии орфиков, философии Гесиода и Демокрита достаточно четко ставится вопрос об источниках и причинах военных столкновений, намечаются первые варианты его решения.

Так, согласно Гомеру, война находится в руках богов-олимпийцев. Именно за ними остается последнее слово: быть между людьми грозной брани и печальной распре, или, по-прежнему, на земле будет царить «возлюбленный мир» («Илиада»). В «Одиссее» рассматриваются теологические мотивы: боги устроили Троянскую войну для того, чтобы у будущих поколений людей была славная песнь о ней².

По убеждению орфического поэта Лиина, «через распрю управляется все всегда... Жизнь сопряжена с мучительными страданиями и сонмом смертельных напастей»³. Логично предположить, что в этом утверждении проявляется идеалистическая позиция, согласно которой все устроено целесообразно и всякое развитие является осуществлением заранее predeterminedных целей. Такой подход несовместим с научным пониманием закономерности и причинной обусловленности явлений природы, в том числе, а в нашем случае — военной безопасности.

Краеугольным камнем философии Гесиода в исследовании социальной картины выступал следующий постулат: государства погибают в том случае, когда не могут отличить плохих людей от хороших. Это подвигло древнегреческого мыслителя искать источник развития механизма обеспечения военной безопасности в противоречиях нравственного бытия человека и общества. Как бы там ни было, но «теогония» Гесиода предстала одной из первых попыток теологического анализа основ безопасности, явным достоинством которого стало определение нравственных приоритетов в поведении человека.

Такая же позиция во взглядах на устройство общества и обеспечение его защиты просматривается и во взглядах Демокрита: «Человек добродетельной (благочестивой) мысли стремится к справедливым и законным действиям, во бдении и во сне весел, здрав и спокоен»⁴.

Вместе с тем присущие для религиозно-философского восприятия справедливость и отстаивание сверхъестественного появления власти значительно замедляли научное осмысление движущих сил развития культуры военной безопасности.

² Дырин А.И., Кузин В.П. Проблемы войны и мира в социально-философской мысли античности. М.: ГА ВС, 1992. С. 3.

³ Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. С.71, 72.

⁴ История философии в кратком изложении / Пер. с чеш. И.И. Богута. М.: Мысль, 1991. С. 120.

В определенной степени отличными выглядят правила исследования, предложенные Платоном. В них он представил свое видение решения проблемы, сосредоточив внимание на несовершенстве государственного устройства как источнике провалов безопасности и, соответственно, национальных трагедий. Неразрывно связанный философом вопрос жизнеспособности страны с конструктивным разрешением противоречий исследуемого явления привел его к одностороннему, несбалансированному подходу в анализе взаимоотношающихся сторон «стабильность — безопасность» в пользу первой.

Таким образом, представления древнегреческого мыслителя о тоталитарном государстве явились отправной точкой анализа военной безопасности для ученых последующих столетий, также не проводивших разделительной линии между противоречиями стабильности и безопасности.

В развитие культуры военной безопасности достаточно весомый вклад привнесли представители нарождающейся буржуазии, и в особенности, Н. Макиавелли.

Знаковым методологическим утверждением его анализа ознаменовалось установление социальных законов из логоса и практики, а не из имевшегося в тех условиях примата теологического воззрения.

В этой связи, итальянский ученый настоятельно указал на необходимость как можно лучше понять историю общества в его действиях и свершениях, нормах закона, установлениях и учреждениях, правах, свободах и обязанностях⁵.

Заслуга Н. Макиавелли явно просматривается в его желании обосновать, разработать и представить стратегию военно-политического сознания и управленческих действий, обращенную в будущее, к конкретным носителям власти. Как бы там ни было, но подобное восприятие законов безопасного бытия и управления государством привело итальянского философа к своеобразному объяснению сущности и содержания противоречий военной безопасности. И оно проявилось в следующем: *во-первых*, рассмотрение политики не в связке с культурой, а культуры не в связке с политикой стало представляться как первопричина национальных трагедий и катастроф, подрыв основ военной безопасности; *во-вторых*, главное противоречие военной безопасности — это то, что является краеугольным камнем при формировании единой воли нации, с помощью которой можно не только обустроить государство, но и безопасно в нем существовать.

Его разрешение, считает ученый, предполагает неординарного руководителя: «Подлинно счастливой можно назвать ту республику, где появляется человек столь мудрый, что издаваемые им законы обладают такой упорядоченностью, что подчиняясь им, республика может, не испытывая необходимости в их изменении, жить спокойно и безопасно»⁶.

Не случайно поэтому итальянский мыслитель рассматривает ряд качеств, необходимых лидеру для эффективной управленческой деятельности, в том числе и в военной: быть реалистом в политике и адекватно соотносить предпринимаемые меры по военной безопасности с особенностями обстановки; быть уважаемым среди народа и умело использовать его поддержку; слыть культурным политиком; постоянно изучать уроки истории, обращаться к опыту прошлых лет; обладать

⁵ Юсим М.А. Этика Макиавелли. М.: Наука, 1990. С. 71—100.

⁶ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия: избр. соч. М.: Художественная литература, 1982. С. 382.

способностью предвидения тех или иных национальных бедствий, своевременно обнаруживать их истоки⁷.

Вот почему, оценивая наследие творчества Н. Макиавелли, Гегель утверждал, что его учение «останется в истории важным показателем, которое он засвидетельствовал перед своим временем, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только гением»⁸.

Одним из продолжателей идей Н. Макиавелли предстал английский философ Ф. Бэкон, взгляды которого формировались под влиянием научного и культурного подъема Европы начала буржуазных революций.

Вслед за Н. Макиавелли, английский ученый непосредственно обратился к проблемам безопасности. Так, в 90-е годы XVI века он опубликовал «Трактат относительно разведки и личной опасности королевы».

Этот труд, как справедливо считает Е.Б. Черняк, «...рекомендовал Тайному совету всячески распространять за границей мнение, что ее Величество имеет крупную секретную разведку»⁹. Разумеется, в данной работе Ф. Бэкон выступает не в роли родоначальника английского эмпиризма, а скорее как государственный чиновник высшего ранга.

Но *во-первых*, стремление создать гипертрофированное представление о возможностях британских служб говорит о характерной для всей эпохи Нового Времени высокой оценке проблем безопасности.

Во-вторых, как, не без основания, полагает А.Ю. Моздаков: «...уже здесь мы обнаруживаем отождествление безопасности индивида и общественного целого, которое позже получит обоснование в гегелевской «Философии права»¹⁰.

Как и итальянский ученый (Н. Макиавелли), Ф. Бэкон стоял на позиции того, что движущей силой развития военной безопасности выступают противоречивые элементы законотворческой деятельности и чрезмерной централизации государственной власти.

Однако в механизме их разрешения он особую роль отводил разработке принципов политики безопасности: ускользания от опасности и своевременного, адекватного реагирования на возрастание опасности стране¹¹.

Достаточно смелым для того периода стал и его подход в обосновании роли материальных элементов военной безопасности. Экономика, по мнению Бэкона, может быть и основой устойчивых гарантий существования нации, и первопричиной кризиса обороны страны¹². Все зависит от ее количественной и качественной определенности, способности обеспечить эффективное воздействие на прогресс общества.

Совершенно иные методологические посылки для познания противоречий культуры военной безопасности выдвинул другой английский мыслитель — Т. Гоббс.

Основная из них — научное представление общества. И хотя он исходил из традиционного для того времени отождествления общества и государства, все же последнее трактовал не с теологических позиций, а как человеческое устройство, рациональное зерно которого — переход

⁷ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 382—412.

⁸ Гегель. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 154.

⁹ Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки. М.: 1991. С. 100.

¹⁰ Моздаков А.Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 19.

¹¹ Бэкон Ф. Опыт или наставления нравственные и политические. Соч. В 2 т. Т. 1; 2-е испр. и доп. изд. М.: Мысль, 1977. С. 393—400.

¹² Бэкон Ф. О смутах и мятежах. Соч. В 2 т. Т. 1; 2-е испр. и доп. изд. М.: Мысль, 1977. С. 383.

от состояния «человек человеку — волк» к принципам общественного договора.

По его мнению, следование данным принципам и есть ориентир для конструктивного разрешения противоречий исследуемого социального явления. Правомерно утверждать, что движущей силой развития культуры военной безопасности Т. Гоббс считал противоречивое единство элементов, тенденций законотворческой и правоохранительной деятельности, просвещения народа в духе уважения законов¹³.

К сожалению, «политическая любовь» философа к утверждению принципа неделимости верховной власти и неограниченной монархии, права правительства на применение насилия во имя повиновения граждан не позволили ему увидеть в этом источнике серьезных вызовов военной безопасности.

Совсем неслучайно, что данные теоретические просчеты оказались в фокусе научного интереса еще одного английского мыслителя Дж. Локка. Он, проанализировав неверные доводы Гоббса, углубил предметное поле исследования противоречий безопасности, включив в него изучение процессов и явлений, разрушающих механизм управленческого воздействия на общество. При этом он наделил народные массы правом не поддерживать и даже свергать безответственное государство¹⁴.

Одним из первых социальных философов Локк рассмотрел противоречивость насилия как средства военной безопасности: «Применяя силу, правитель частично перечеркивает то, ради чего он призван трудиться, а именно всеобщую безопасность... Ибо, сколько-нибудь подрывая, или нарушая безопасность любого из своих подданных ради защиты остальных, он ровно на столько же вступает в противоречие со своим же объявленным наперед намерением, в каковое должна входить только охрана людей, на что имеют права даже самые ничтожные»¹⁵.

Под воздействием философских произведений Т. Гоббса и Дж. Локка оказались научные взгляды Б. Спинозы. Вместе с тем для голландского мыслителя было свойственно предрасположение к более объективному исследованию содержания целей практики безопасности, что отражало иной подход при анализе противоречий развития ее культуры.

Например, гражданский мир он рассматривал не только как отсутствие войны, а как объединение душ и национальное согласие¹⁶. Им впервые был выдвинут постулат о свободе как важном факторе развития культуры безопасности и укрепления гарантий безопасного бытия гражданского общества¹⁷. Кроме того, Б. Спиноза вскрыл закономерную связь между политической организацией и функционированием механизма обеспечения военной безопасности, расширив тем самым методологию исследования противоречий ее развития¹⁸.

В середине XVIII века французский мыслитель Ш.Л. Монтескье предпринял попытку нарисовать идеальный образ «просвещенного монарха». Руководитель государства, по его мнению, должен заботиться о народном благосостоянии, устанавливать общеобязательные справедли-

¹³ Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. С. 143—144, 263.

¹⁴ Локк Дж. Послание о веротерпимости. Соч. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 128.

¹⁵ Локк Дж. Опыт о веротерпимости. Соч. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 79.

¹⁶ Спиноза Б. Политический трактат. Избр. произв. В 2 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 2. С. 311.

¹⁷ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Избр. произв. В 2 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1957. С. 267.

¹⁸ Спиноза Б. Политический трактат. С. 313—374.

ливые законы и править с помощью философов, которые «всегда говорили о народе, изредка о царе и никогда о себе»¹⁹.

Существенным аспектом безопасности ученый считал постулат о необходимости разделения властей. При разработке этой идеи Монтескье настаивал на том, что не может быть политической свободы без разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, каждая из которых должна обладать независимостью друг от друга в исполнении своих функций.

Согласно его утверждению: «...должны быть разделены власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц»²⁰.

Монтескье выдвинул плодотворную установку понять военную безопасность общества как определенную целостность и отрешиться от поверхностного взгляда на него как на механический агрегат индивидов и институтов.

Заявляя, что рассматривает «части только для того, чтобы познать целое», мыслитель характеризовал культуру безопасности через понятие «общего духа народов» как результата многих вещей, управляющих людьми: климата, религии, законов, принципов правления, примеров прошлого, нравов и обычаев²¹.

Вместе с тем, стремление обосновать проведение прогрессивных социальных преобразований на основе безопасности противоречиво сочеталось у Монтескье с консервативным желанием примирить людей с существующими общественными отношениями.

Наблюдая нарастание во Франции социального кризиса, сильно обострившегося к концу 40-х годов XVIII столетия, знакомясь с умонастроением нового поколения просветителей, Монтескье был явно напуган перспективой быстрого и радикального изменения общественного строя страны.

Атмосфера грядущей революции способствовала дальнейшему исследованию теории военной безопасности. В фокусе внимания ученых оказывается деятельность по предотвращению национальных бедствий и катастроф. Ее сущность и содержание наиболее полно были отражены в философских трудах П. Гольбаха.

Французский мыслитель провозгласил главной целью политики безопасности предотвращение деструктивной логики развития явлений и процессов, обеспечение безопасных отношений между человеком и обществом. Поэтому в ее основу он закладывал выполнение нравственной задачи сближения людей на основе объективной взаимосвязи личной и национальной безопасности²².

Как считал П. Гольбах, стратегия военной безопасности, подразумевающая верный выбор действий, должна основываться на принципах объективности и конкретности, научных прогнозах развития социальной реальности²³. При этом ей не следует оказываться вне рамок меры безопасности, критериями которой ученый считал равновесие власти и

¹⁹ Кузнецов В.Н. Западноевропейская философия XVIII века. М.: Высш. Шк., 1986. С. 162–163.

²⁰ Benrekassa G. Montesquieu. Paris, 1968. С. 121.

²¹ Кузнецов В.Н. Западноевропейская философия XVIII века. С. 174.

²² Гольбах П. Естественная политика или беседы об истинных принципах управления. Избр. произв. В 2 т. Т. 2. П. Гольбах. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1963. С. 525.

²³ Там же. С. 183, 392, 525.

свободы, а также равновесие между всеми видами управленческой деятельности²⁴.

П. Гольбаха можно сравнить с пионером в социальной философии, предпринявшим попытку представить обобщенную картину стандартов военной безопасности, в соответствии с которой каждая ключевая персоналия власти должна: не наносить вреда другим; проявлять справедливость, человечность, чистосердечие в отношениях с другими, быть готовой оказать помощь нуждающимся; поступиться частью своих прав во имя прав социума; признавать право общества на самосохранение; брать на себя обязанность придерживаться принципа равновесия сил в обществе²⁵.

Следует согласиться с французским мыслителем в том, что эти обязанности, в случае представления их в форме правовых норм, залог военной безопасности. Вне всякого сомнения, признание актуальной потребностью подобное представление развития человечества качественным образом преобразило методологию исследования противоречий культуры военной безопасности.

В определенной степени такую же позицию в этом вопросе занимал шотландский философ того же времени Д. Юм.

Однако, не принимая представленных воззрений ученых в развитии теории исследуемого явления, необходимо акцентировать внимание на следующем: ничто в военно-политической и социально-экономической ситуации того периода не способствовало претворению в жизнь прогрессивных выводов.

Так, Н. Макиавелли, исследовав противоречия военной безопасности, доказал потребность в замене наемной армии милиционной и, как представитель властных структур, предпринял попытку претворить эту идею в жизнь, которая, к сожалению, потерпела крах.

Французские просветители, отстаивавшие идею о нереальности военной безопасности государства без гарантий безопасности гражданина, пролоббировали ее в качестве конституционного положения в Декларации прав человека и гражданина 1789 года и Конституции Франции 1791 года. Вместе с тем как члены правительства они не препятствовали созданию механизма разрешения противоречий «безопасности», который не имел ничего общего с их прогрессивными заявлениями. Итогом функционирования созданного ими органа воздействия из 25-миллионного населения страны в период с 1789 по 1794 годы по подозрению были арестованы и содержались под стражей около 500 тысяч человек и казнены 40 тысяч граждан²⁶.

Логично предположить, разрабатывая соответствующие цивилизационному и национальному развитию императивы военной безопасности, философы приукрашивали грядущий капитализм, представляли его государственное устройство разумным и способным к конструктивному разрешению противоречий. С большой долей вероятности можно утверждать: в провозглашенных постулатах мыслители настолько «забежали вперед», что люди оказались в растерянности, с одной стороны, принять новые положения «в эксплуатацию», а с другой — адекватно их оценить.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что представители власти не только того времени, но и более позднего, не очень приветствовали допуск рационально мыслящих ученых в область своей де-

²⁴ Гольбах П. Естественная политика или беседы об истинных принципах управления. С. 183.

²⁵ Там же. С. 112—115.

²⁶ Смирнов В.П. Великая французская революция и современность // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 7. С. 63.

тельности по организации безопасности. Сами же, и это в лучшем варианте, полагали необходимым применять из разработанных наукой программ только те идеи, что достаточно полновесно способствовали удовлетворению насущных потребностей правящей элиты, а не всей нации в целом. Это, в свою очередь, сказывалось на разрешении противоречия между объективными основами существования человечества вне опасности и стратегией развития культур военной безопасности.

Обращает на себя внимание также то, что при всех своих упущениях и недоработках, неординарные для того периода времени рекомендации социальных философов постоянно подвергались ostracismu и забвению. Но поскольку свято место пусто не бывает, постольку искусственно созданный вакуум стали осваивать различные типы концепций: «жизненного пространства», «мирового господства», «арийской расы», «расовой неполноценности», «религиозной нетерпимости». В результате чего не пришлось долго ждать проявлений экономики на военных рельсах, тоталитарного правления, социальных катастроф, поразивших цивилизацию в эпоху капитализма, что способствовало неверному направлению в развитии культур военной безопасности.

Кроме того, это подталкивало к возникновению исковерканных механизмов обеспечения гарантий культуры безопасности, предрасположенных, к тому же, генерировать своим функционированием вызовы и угрозы нации и человечеству в целом. Поэтому-то, вместо объективного подхода к исследованию военной безопасности общества, явно проявилось желание обеспечить спокойствие режимов правления, которые необходимо защищать от внешней угрозы с помощью оружия, а от внутренних посягательств — репрессивными органами и средствами.

Таким образом, установка опираться на главный постулат — силу, единственную основу — стабильность и спокойствие власти, один источник — концентрацию ресурсов предопределила ущербное развитие культуры военной безопасности, при котором вероятность трагедий и катастроф только возрастала.

И нет ничего удивительного, что заявивший о себе в конце 40-х годов XIX столетия марксизм предстал в качестве одной из наиболее эффективных концепций национального спасения. Опираясь на материалистическое восприятие мира, представители марксистского течения в науке считали правомерным тот факт, что разобщенность нации и цивилизации является главным источником неэффективности культур военной безопасности. По их мнению, основой подобного разобщения выступает частная собственность, которая и порождает непримиримость идеалов и ценностей. Они сделали вывод, что нация и цивилизация способны и в состоянии обеспечить себе достойное безопасное существование. Для этого необходимо уничтожить эту собственность, а человечеству обезопасить себя всемирной победой социалистической революции.

Значительный акцент основоположниками марксизма был сделан на проблемах культуры защиты революционных завоеваний. Так, самостоятельный статус приобрело учение о защите социалистического отечества. Достаточно полное обоснование получили методология исследования деструктивных противоречий, методология и методика прогнозирования, оценки военно-политической обстановки. Впервые был осуществлен комплексный подход в оценке потенциалов развития культуры военной безопасности. Серьезное внимание было обращено на анализ проблем нравственного совершенствования личности, спо-

собной активно включиться в процесс укрепления гарантий исследуемого явления.

Вместе с тем следует признать, что теоретический расклад и его практическое претворение в жизнь представляются не совсем адекватными разрешению проблем по предотвращению социальных катастроф и трагедий в рамках нации, с одной стороны, и всего человечества в целом — с другой. Причина здесь в приверженности к старой парадигме развития культуры безопасности, в ее явно выраженной внешней направленности, силовом акценте и примате сохранения основ государственного режима²⁷.

В этой связи, как справедливо утверждает И.С. Даниленко, «общественная практика все время требовала проектов лучшей подготовки и ведения войн. Создание положительной науки о войне не вписывалось в эти проекты»²⁸. При таких условиях объективное исследование всей совокупности противоречий культуры военной безопасности, не приемлемое политическим режимам, оказывалось небезопасным как для субъектов власти, так и для тех, кто его инициировал.

Таким образом, абберация критериев развития культуры военной безопасности множила вероятность трагедий и катастроф не только потому, что ее потенциал был недостаточным в противодействии различным опасностям. Подобная логика мышления несла в себе возможность привнесения псевдокультурных элементов в форме борьбы с «врагами народа» и инакомыслием, что само по себе генерировало источники новых катаклизмов.

С большой долей вероятности можно утверждать — необходим подход, при котором обеспечивалось бы единство действий и интересов личности, общества и государств в поддержании гарантий военной безопасности, основанного на строгом соблюдении гармонии приоритетов.

Реализация такого миропонимания возможна при условии, как справедливо считает А.И. Подберезкин, что «...человечество чувствует свое достоинство, ясно видит исторические перспективы, ощущает уверенность в завтрашнем дне и собственных силах»²⁹.

Следует иметь в виду, что проблема приоритета в истории социально-философской мысли издавна привлекала внимание мыслителей. Диапазон точек зрения при этом был достаточно широким: от признания гарантий существования чиновничьего аппарата — равенства прав на безопасность общества, личности, государства — до необходимости выделения преимущественного права личности.

Практика свидетельствует о постоянном акцентировании внимания политиков на необходимость укрепления, главным образом, военной безопасности государства. Но сама реальность подсказывает: тот или иной приоритет находится в прямой зависимости от характера внутренней и международной обстановки, степени зрелости самих социальных субъектов в решении задач планетарного масштаба.

В условиях реально существующей угрозы, когда решается судьба суверенитета и независимости страны, он один, в условиях раскола общества и вооруженного конфликта — другой. Приоритет не может оставаться одним и тем же в случае потери государством способности к управлению или в ситуации отсутствия развитого гражданского общества.

²⁷ Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности М.: Моск. психолого-социальный институт, 2006. С. 10.

²⁸ Даниленко И.С. От прикладной военной науки — к системной науке о войне // Военная Мысль. 2008. № 10. С. 32.

²⁹ Подберезкин А.И. Нация должна сознавать свое достоинство // Ориентир. 1996. № 12. С. 29.

Совершенно очевидно, статичное закрепление приоритета личной безопасности не всегда может служить в качестве правильного ориентира. В основе консолидации действий социальных субъектов (личности, общества, государства) должна выступить гармония их идеалов, сопряженная с высшими ценностями человечества.

Важно осознать, что государство, не поддерживаемое народом, не способно на длительное существование. Общество, не обладающее необходимым для обеспечения безопасности граждан потенциалом, распадается. Личность, провозглашающая свою безопасность выше безопасности общества, нравственно деградирует. В этой связи культурным для субъектов является то, что создано ими, служит их развитию и связывает между собой. В таком единстве развитие культуры военной безопасности, несомненно, будет способствовать процветанию стран, поддержанию их статуса на мировой арене.

В начале XXI века, в эпоху глобализации, стало очевидным, что до сих пор люди живут в опасном для человека обществе, умножающем и усиливающим различные бедствия, мало заботящемся об их предотвращении.

Назрела потребность перехода к обществу с безопасными социальными структурами и системой военно-политических отношений. Чтобы собственный мир сделать более приемлемым для проживания, необходимо устранить причины, обуславливающие формирование агрессивного образа мышления и поведения. Представляется убедительной позиция мыслителя и энциклопедиста Н.Н. Моисеева: «Человечество подошло... к перелому цивилизаций, который требует от людей утверждения нового образа мыслей и новой структуры ценностей... Общество стоит на пороге катастрофы, требующей перестройки всех оснований планетарного бытия»³⁰.

Таким образом, воспроизводство военно-политических отношений безопасного существования наций в реальных и прогнозируемых пространственно-временных координатах является лейтмотивом совершенствования культуры военной безопасности. Представленный анализ традиций реагирования на военные вызовы позволяет правильно оценить проблемы современного противоречивого развития заявленного в теме статьи феномена. Это актуально и с научной и с практической точек зрения.

Специфика нынешнего состояния культуры военной безопасности на планете обусловлена содержанием проблем защиты социальных субъектов от внешних и внутренних угроз. Это также результат освоения присущего нациям опыта по поддержанию военной безопасности.

Для человечества анализ состояния культуры военной безопасности приобретает особую значимость. В то же время исследование отечественной научной литературы позволяет сделать вывод — во все возрастающем потоке работ, посвященных вопросам военной безопасности и реагированию на вызовы в глобальных условиях, проблема оценки культуры ее обеспечения присутствует лишь отдельными фрагментами³¹.

По нашему мнению, ситуация в данной области научного знания за

³⁰ Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: МНЭПУ, 1998. С. 19, 21.

³¹ См., например: Антошин С.С. Военная безопасность как фактор стабильности российского общества (социально-философская концепция) / С.С. Антошин. М.: ВУ, 2004; Волешко В.С., Лутовинов В.И. Военная политика и военная безопасность Российской Федерации в условиях глобализации / Под общ. ред. А.С. Рукшина. М.: Воениздат, 2007; Караганов С.А. Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего / С.А. Караганов. М.: Культурная революция, 2007; Кузнецов В.Н. Становление евразийской безопасности / В.Н. Кузнецов и колл. авт. // Под ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2005.

рубежом также далека от радужной. В ее облике проступают явные черты деструкций и дисфункций, что, учитывая современный статус культуры военной безопасности, делает ее опасной и обременительной для всего человечества³².

Кардинальные изменения конца XX — начала XXI столетий существенно трансформировали систему реагирования на военные вызовы в современном мире, охваченном процессами глобализации. Планета становится иной. Человечество сталкивается сегодня с комплексом тесно взаимосвязанных проблем: последствиями распада СССР, созданием и лихорадочным движением новых «центров силы», обострением противоречий между богатыми и бедными странами.

При этом все сильнее проявляют себя две противоположные тенденции мировой политики, не способствующие становлению и укреплению заявленного в теме исследования явления.

С одной стороны, предопределяемая приоритетами развития экономики и технологии взаимосвязь международного сообщества способствует оформлению глобального рынка. А с другой — поднялись волны национализма и сепаратизма, которые захлестывают уже многие страны мира.

К тому же в жестоком споре этих тенденций все возрастающую роль стал играть терроризм. Следует признать, что в активизации и изобретательности терроризма не последнюю роль сыграла гегемонистская политика США. Это государство поспешило воспользоваться своими преимуществами победителя в «холодной войне». Применяя военную мощь, Америка стала навязывать многим странам свою волю, мировоззрение и политику. В свою очередь, такой подход не мог не вызвать протеста и активного сопротивления явных и скрытых конкурентов и противников Соединенных Штатов. Но поскольку не все государства и силы обладают современным оружием и значительной военной машиной, то выбор пал на неадекватные и оригинальные способы. И нет гарантии, что в ответ на абсолютизацию США роли силы в решении спорных вопросов, в том числе и в технологии «возмездия» за совершенные теракты, «другой Усама Бен Ладен» остановится в поиске принципиально новых и не менее чудовищных способов нанесения ответных ударов. К сожалению, следует признать, что питательная среда терроризма после радикальных изменений в мире не исчезла.

Наибольшая опасность, которую несут интеграционные процессы для культур военной безопасности, связана с их неравномерностью и возможностью выпадения из них довольно широкого круга стран. Это происходит вследствие неадекватности их экономических и политических структур и неспособности осуществить необходимые преобразования в рациональные исторические сроки.

Связанное с этим углубление разрыва в уровнях развития и размежевание на активных участников и аутсайдеров военно-политических отношений создают основы для опасного проявления националистического или сепаратистского радикализма в остальных регионах мира. В такой ситуации логично утверждать, что сохраняются старые и закладываются новые источники международной напряженности и вооруженных конфликтов.

³² См., например: Barnett R. Rethinking National Strategy. / R. Barnett. The New York, 1988; Brzezinski, Zbigniew. Second Chance: Three President and the Crisis of America / Zbigniew Brzezinski. New York: 2007; Luard, E. The Globalization of Politic / E. Luard. London, 1990; Morgentau, Hans. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace / H. Morgentau. New York: Alfred A. Knopf, 1948 (6-th Edition — 1985); Spykman, N. America's Strategy in World Politics. The United States and the balance of Power / N. Spykman. N. Y., 1942; Toffler, A. War and Anti-War / A. Toffler. N. Y., Bantam, 1994; Yergin, D. Shattered Peace / D. Yergin. Boston, 1977.

Например, исламский радикализм в различных формах, в том числе и вооруженной, уже представляет немало проблем политикам и просто гражданам, которые хотят жить мирно и спокойно трудиться. Становится понятным, почему после террористических актов в США в сентябре 2001 года стрелка общественного гнева была переведена во многих странах планеты на исламский мир и обвинения посыпались в адрес ряда арабских государств (Афганистан, Ирак, Иран).

Этот и другие примеры (Южная Осетия, Абхазия) красноречиво свидетельствуют о том, что для перспектив мирового развития характерно наличие противоречий, способных выкачать на поверхность международных отношений силовые методы решения текущих и перспективных проблем.

Следует признать, на планете интенсивно ведется борьба за третий глобальный передел мира. И если из калейдоскопа событий и многообразия явлений выделить наиболее яркий фактор, который воздействует на судьбы стран и народов, то с большой долей вероятности можно утверждать — самым заметным выступает военный.

Приоритет в использовании силового компонента для решения спорных вопросов остается в числе существенных признаков современной действительности. Основанием для подобного утверждения являются следующие факты.

Во-первых, анализ военно-политической практики за последние 10—15 лет показывает, что, несмотря на миролюбивые заявления и готовность к разоружению, развитые и стабильные государства не подвергают радикальному пересмотру свои взгляды на использование военной силы. Более того, они совершенствуют военное строительство, ведут интенсивные разработки новых систем оружия и боевой техники.

Сегодня к пяти официально признанным ядерным державам — США, России, Англии, Франции, Китаю примыкают три «подпольные» — Израиль, Индия, Пакистан. Ряд неядерных стран мечтают приобрести такое оружие. Ведь оно рассматривается ими не только как символ военной силы, но и как показатель научно-технического прогресса, приносящий немалые дивиденды международному авторитету государства.

Это обстоятельство требует по-новому смотреть на взаимосвязь выдвижения сверхоригинальных идей претендентами на мировое лидерство и конкуренцию не только в военно-политической, но и военно-технической и экономической сферах.

Во-вторых, традиционные военно-политические союзы не самораспускаются, как это сделал Варшавский Договор, а продолжают совершенствовать свою структуру и деятельность, прикрываясь необходимостью «организованного миротворчества». Так, НАТО расширяется на Восток, занимая геополитическое пространство и претендуя на роль силовой основы системы европейской безопасности.

В-третьих, процесс образования суверенных государств после распада СССР и СФРЮ продемонстрировал их стремление иметь вооруженные силы, отвечающие современным требованиям, хотя, казалось бы, кризис в экономике, политике и культуре диктовал выбор иной системы приоритетов.

В-четвертых, ломка старой совокупности геополитических координат и структуры международных отношений вызвала массу вооруженных конфликтов. Это свидетельствует о том, что именно военной силе отдается предпочтение в решении спорных проблем, а ныне существ-

вующие международные структуры, созданные для решения вопросов мирного урегулирования, оказались малоэффективными.

Опасность заключается в том, что вооруженные конфликты по законной цепной реакции могут перерасти в широкомасштабную войну.

В-пятых, наметилась устойчивая тенденция милитаризации такого явления, как миротворчество. Как в ее форме, так и в содержании отчетливо просматривается доминирование военной силы.

Миротворческие операции последнего времени отличаются обилием униформы и крайне скромным присутствием людей в гражданских костюмах. Во многих операциях последнего времени преобладают действия не по поддержанию мира, а по принуждению к нему, то есть с применением военной силы (например, Южная Осетия — 2008 год). Логично утверждать, что миротворчество в таком виде может стать удобной ширмой для нового милитаризма³³.

С большой долей вероятности можно утверждать, что состояние культур военной безопасности на планете вызывает серьезные опасения, поскольку существуют потенциальные и реальные вызовы всему мировому сообществу.

Таким образом, историческая практика и начало эпохи глобализации убедительно доказывают, что трагедии и катастрофы выступали, в том числе, следствием неадекватного реагирования на вызовы культуры военной безопасности, обусловленных их деструктивным развитием.

Мировое сообщество находится на рубеже, когда оно либо порвет с многовековой инерцией решать спорные вопросы силой оружия и сделает рывок к мирной реакции на такие проблемы, либо позволит этой тенденции унести народы к новым мукам вооруженных столкновений. Будет ли перейден данный «Рубикон», покажет время, если оно еще осталось, а также многообразные действия субъектов военно-политической практики.

Вне всякого сомнения, возможность превратится в действительность, если анализ возникновения, протекания и ликвидации конфликтов будет находиться в фокусе пристального внимания рационально мыслящих политиков, военных, ученых и всех, кому не безразлично будущее планеты.

³³ См. подробнее: Чебан, Вал.В. Геополитическое положение и военная политика России. М.: Полимаг, 2001. С. 75—79.

Учредитель: Министерство обороны Российской Федерации
Регистрационный № 01974 от 30.12.1992 г.

В подготовке номера принимали участие:
Научные редакторы: Ю.Н. Голубев, М.А. Круглов, В.М. Прилуцкий, И.П. Русанов, В.Н. Урюпин,
В.Н. Щетников, В.В. Юдин

Компьютерная верстка: Е.С. Ибрагимов

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Сдано в набор 17.07.09

Формат 70х108 1/16

Печать офсетная

Свободная цена

Подписано к печати 18.08.09

Бумага офсетная 5 п.л.

Заказ №2025

Тираж 2000 экз.

Журнал издается Редакционно-издательским центром МО РФ:
119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д. Тел: 693-58-68

Журнал отпечатан в ООО «Красногорская типография»:
143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный квартал, д. 2.